

Кіевляне и провинціалы.

(Не сказка, а быль).

Кіевъ... Какъ много воспоминаній будить во мнѣ это названіе древняго града Св. Владиміра, и особенно въ послѣдніе годы, когда подросли и образовались мои молодые сотоварищи, всѣ обучающіеся разнымъ хорошимъ наукамъ—Т. С., Сапа Р. и Коля С. Всѣ такіе милые ребята, завязанные охотники, восторженные и увлекающіеся до крайнихъ предѣловъ всѣмъ, что касается охоты, готовые нести на ея алтарь все, рѣшительно все, безъ остатка...

Милое, молодое, пылкое, восторженное... Одинъ—гимназистъ, другой—политехникъ, третій—студентъ университета, но не взирая на нѣкоторую разницу профессій—духъ въ нихъ и стремленіе къ извѣстному идеалу одинъ: ружья, собаки, стрѣльба (безъ конца, всегда и всюду), охота и все, что касается этого милаго дѣла... Я люблю ихъ, съ ними я восторгаюсь и хотя они меня не всегда понимаютъ, но ихъ—я понимаю вполне, потому что 50 лѣтъ тому назадъ и я былъ такимъ же восторженнымъ юношей, и я обучался тамъ наукамъ, только находился въ другихъ *матеріальныхъ* условіяхъ.

Знаете-ли вы Кіевъ?..

Побывать въ Кіевѣ—еще не значить знать его... Я же его знаю, если и не *древній* Кіевъ, то, во всякомъ случаѣ, Кіевъ *старый*, когда городъ кончался зданіями университета и второй гимназіи... Когда за домами Крещатика раскидывались пустыри и огороды, произросталъ барбарисъ и по нынѣшней Прорѣзной улицѣ вашъ покорный слуга пострѣливалъ урывками вальдшнеповъ, слетавшихся вечерами (весной) на разрыхленные грядки. Это не сказка. Какъ сейчасъ помню мои экскурсіи съ Печерска, равно помню, что обыкновенно, послѣ 2-хъ—3-хъ выстрѣловъ моихъ, являлся старичекъ квартальный Вигура, предобродушнѣйшее существо, и начиналъ убѣждать, строго, отечески,—уйти, потому что *«тутъ городъ и стрѣлять не полагается»*... Я, обыкновенно, не возражалъ, угощалъ Вигуру папирской и, пропустивъ одинъ вечеръ, опять приходилъ и стрѣлялъ...

Это—въ самомъ сердцѣ города... А внѣ его—какое богатство и разнообразіе угодій въ Запднѣпровской Черниговской Остерщинѣ, сплошныхъ лѣсахъ, набитыхъ козами и кабанями, и всякой лѣсной, болотной и водоплавающей птицей!.. А поднѣпровскіе луга? Вдоль и поперекъ исходилъ я ихъ, на разстояніи 25—30 верстъ... Названія мѣстностей я, конечно, теперь перезабылъ, но помню хорошо и *Вишеньки*, и *Гнѣдинъ*, и Остор. уѣзда *Волчекъ*, гдѣ я, однажды, изъ-подъ гончихъ, въ полѣ-дня, разстрѣлялъ патронташъ въ 24 патрона по дикимъ козамъ, свиньямъ и вальдиннепамъ... Помнится мнѣ и рѣчка *Ирпень*, по которой можно было, съ утра до ночи, стрѣлять дупелей и бекасовъ, подымая ихъ даже безъ помощи легавой собаки... Не забылъ я промышленника мѣщанина Михайлу, который, несмотря на дешевизну дичи, даже въ то отдаленное время жилъ съ семьей *исключительно охотой*, а дешевизна дѣйствительно была необычайная... Домашній осенній гусь продавался съ возовъ крестьянъ, на базарѣ, отъ 16 до 20 коп. за штуку. Осетровая икра, во время контрактовъ, пріобрѣталась по 4 руб. за 10 фунтовый боченокъ, т. е. по 40 коп. за фунтъ... Квартуру одинокому, комнату со всѣмъ необходимымъ—прислугой, столомъ—можно было имѣть на Печерскѣ (преимущественно), Подолѣ или Старомъ Городѣ за 5 рублей въ мѣсяцъ. И вотъ, при такой-то дешевкѣ, Михайло жилъ охотой, имѣлъ превосходный смычекъ гончихъ, гонявшихъ на смерть—зайцевъ, лисицъ, дикихъ козъ и свиней.

Я познакомился съ Михайлой такъ сказать *обманнымъ* образомъ... Въ то время (60-е годы) никакихъ охотничьихъ обществъ не существовало и вообще охотниковъ было мало и преобладала зеленая, учащаяся молодежь, которая не страшна была Михайлѣ, и потому онъ охотно бралъ панычей съ собою на охоту. Все это былъ народъ неопытный, отчаянные палилы. Я же, уже въ то время, прошелъ школу знанія угодій и нрава дичи, былъ неутомимъ, настойчивъ, страстенъ и стрѣлялъ хорошо. Такихъ сотоварищей Михайла избѣгалъ и поэтому пришлось прикинуться вахлакомъ... И благодаря этому, я вскорѣ узналъ мѣста, и хотя сначала страшно вооружилъ противъ себя Михайлу, но вскорѣ, узнавъ меня и мою нестяжательность, онъ сталъ моимъ лучшимъ пріятелемъ. Ходилъ я съ нимъ часто, билъ дичи много, а себѣ оставлялъ самую малость, и никогда не гонялся, какъ и теперь, ни за лишней шкуркой, ни за козьею или кабаньею тушей...

Михайло былъ извѣстенъ по Кіеву, а слава его гончихъ была развезена участниками охотъ не по одной Кіевской, а и по сосѣднимъ губерніямъ. Многіе богатые помѣщики предлагали Михайлѣ за гончихъ (оба выжлеца, чуть не собакъ Глѣбова) большія деньги, но онъ ни за что ихъ не продавалъ и берегъ пуще глаза. «Лучше ослѣпнуть, чѣмъ отдать такихъ собакъ», и, однако, не уберегъ...

Собакъ украли!

Михайло запасся паспортомъ и полтора мѣсяца пропадалъ въ поискахъ, однако, собакъ не нашелъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пропажи гончихъ, когда Михайло уже обзавелся двумя собаченками, его потребовалъ мѣстный окружной начальникъ и вручилъ ему 100 руб., присланные неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно откуда, для выдачи Михайлѣ за собакъ. Плата по тѣмъ временамъ громадная...

Говорили, будто благородный, все-таки, поступокъ этотъ лежитъ на совѣсти одного польскаго магната Волынской губерніи, ловчій котораго около года жилъ въ Кіевѣ съ спеціальной цѣлью украсть (такъ какъ купить было нельзя) собакъ во чтобы то ни стало—и укралъ; тогда это считалось не кражей, а молодецествомъ. Кіевъ этимъ щеголялъ. Я зналъ, напримѣръ, у одного моего пріятеля, чуднаго, кровнаго англійскаго пойнтера, которому, во избѣжанье кражи, онъ отрѣзалъ половину уха!..

Послѣ пропажи гончихъ Михайло, хотя и получилъ для него большую сумму, но порядочно опустился и началъ брать на охоту «горілку». И если, бывало, гоньба не ладится—гончія скололись и замолчали,—Михайло часто броситъ ружье, усядется на пень, подопретъ голову руками и, божусь вамъ, я не разъ видывалъ, какъ крупныя слезы скатывались изъ зоркихъ глазъ на длинный, сѣдющій усъ страстнаго охотника!..

Михайлы, навѣрное, нѣтъ въ живыхъ, и онъ не узналъ бы теперь Кіева. Да и какъ узнать: шутка ли сказать—полвѣка... Время ушло... Не было, говорю, тогда въ Кіевѣ ни бердичевскихъ, ни шкловскихъ *иностранцевъ*... Не было ни азіатскихъ, ни африканскихъ, ни американскихъ магазиновъ... Не было ружей, заряжающихся съ казны, и былъ лишь одинъ оружейный мастеръ, кажется, Коханскій, если не ошибаюсь, который могъ, кромѣ полудки самовара, кое-что поправить и въ ружьѣ... А ружье, новое ружье, вы могли пріобрѣсти—хо-

рошенькую, чистенькую тульскую двустволку, — за 8—10 руб. на Подолѣ, въ одной изъ желѣзныхъ лавокъ, конечно, безъ всякихъ ручательствъ, и если одинъ стволъ билъ на аршинъ вверхъ, а другой — на $\frac{3}{4}$ аршина вправо, то при помощи Коханскаго ружья доводилось *до ладу*, такъ что при соблюденіи извѣстной сноровки изъ него можно было бить дичь: я это самолично испыталъ.

Такихъ требованій, какъ теперь, къ ружьямъ не предъявлялось. Охотниковъ было мало, дичи — пропасть, а, главное, аппетиты совсѣмъ были не тѣ, — да что, даже 10—15 лѣтъ тому назадъ, именно тогда, когда молодые друзья мои, о которыхъ я веду рѣчь, бѣгали въ шганикахъ съ разрѣзами сзади, — совсѣмъ, совсѣмъ было иначе...

Итакъ, я знаю Кіевъ давно, знаю *старый Кіевъ*, не Старокіевскую часть его, а весь Кіевъ, со всѣми его частями; что же касается *новаго Кіева*, опять-таки, не новаго строенія, а всего новаго города (или возрожденнаго), то я знаю его достаточно мало, по слухамъ и дѣяніямъ, отъ молодыхъ друзей моихъ...

Я знаю, что теперь во градѣ Кіевѣ, помимо лавокъ на Подолѣ, гдѣ можно купить какую-нибудь палилку, — существуютъ три *магазина спеціально оружейныхъ*, гдѣ тоже можно купить, и тоже дубинку, и даже по дорогой цѣнѣ... Я знаю больше, я знаю, что въ Кіевѣ, при посредствѣ комисіонеровъ, можно приобрести «охотницкую» собаку... И еще больше этого знаю я, — что иногда эти приобретенія таковы, что отъ нихъ некуда дѣваться...

Молодые друзья мои, проживающіе временно въ Кіевѣ, дружны между собою и во время каникулъ живутъ кучкой, на какихъ-нибудь четырехъ бѣдратныхъ верстахъ, и притомъ въ районѣ моихъ охотничьихъ экскурсій.

Мнѣ хочется немножко охарактеризовать ихъ, и поэтому, раньше всего и для краткости, назову по профессіямъ, одного — *медикомъ*, другого — *технологомъ* и третьяго — *классикомъ*. Изъ нихъ первый — самый восторженный, второй — наиретивѣйшій, и третій — самый степенный. Во всѣхъ троихъ — влеченіе и страсть къ избіенію, хоть отбавляй.

И *медикъ*, и *технологъ* на охотѣ — въ побѣгушкахъ; одинъ стрѣляетъ изъ очень дорого заплаченной *дубинки*, другой — изъ отличной двадчатки, приобретенной по случаю,